

Возможно, в воздухе витал призрак дождя, потому что последние два дня погода стояла необычайно душная и гнетущая.

Гу Яньлин беспечно прислонился к колонне длинной галереи. Веник в его руках лениво покачивался, едва касаясь земли – такой силой разве что почешешь пол, но никак не подметешь его как следует. Аван, слуга, работавший вместе с ним, был куда прилежнее. Он усердно подметал и одновременно заговорил:

- Скоро время обеда, – проговорил Аван. – Говорят, сегодня подадут мясо по-сычуаньски.

В его голосе слышалось нескрываемое, почти детское предвкушение.

Мысли Гу Яньлина в этот момент витали где-то далеко, а его лицо, совершенно неприметное и заурядное в толпе, приняло глубоко задумчивое выражение.

Аван, заметив, что собеседник хранит молчание, позвал:

- Юаньбао?

Не получив мгновенного ответа, он окликнул его еще несколько раз. Только тогда Гу Яньлин очнулся и понял, что Аван зовет его. Юаньбао – именно под этим именем он скрывался, используя эту личину.

- Уже подмел? – спросил Гу Яньлин.

Он отставил веник в сторону, размышляя о том, как бы пробраться во внутренний двор к той самой важной персоне, что прибыла из столицы. Он находился в поместье уже три дня, но всё это время ему приходилось лишь выполнять самую грязную и черную работу во внешнем дворе.

Аван покачал головой:

- Вон ту часть тоже нужно подмести, – заметил он.

Гу Яньлин пробрался в поместье по крайне важному делу, и уж точно не для того, чтобы быть простым мальчиком на побегушках.

- Там нечего мести, даже опавших листьев нет, - возразил он.

В этом огромном, размашистом поместье было слишком мало людей, да и настоящих управляющих, которые могли бы строго следить за порядком, не наблюдалось. Поверхностной чистоты было вполне достаточно, и никто не стал бы дотошно проверять качество их работы. Было абсолютно ясно, что важная персона использует это место лишь как временный приют и не задержится здесь надолго.

Аван, который поступил в поместье в тот же самый день, что и Гу Яньлин, был человеком довольно простодушным и исполнительным. Он на мгновение засомневался:

- Всё же давай подметим, - настоял он.

В поместье кормили хорошо, да и условия проживания были вполне достойными. Если не работать как следует, то и получать серебро было как-то неловко.

Гу Яньлин небрежно отмахнулся:

- Тогда подмети сам, а мне нужно по нужде, - бросил он. - Как закончишь, не жди меня, иди обедать.

Аван хотел было что-то добавить, но Гу Яньлин уже умчался прочь. Он долго и осторожно бродил вокруг задней кухни, так и не придумав надежного способа приблизиться к этой важной персоне.

Что же касается того, почему Гу Яньлин изменил внешность и пробрался в это поместье - всё началось с того, что он издали увидел, как местный продажный чиновник подобострастно кланяется этому человеку, заискивая перед ним. Именно тогда в его голове и созрел план.

- Кто здесь?

Гу Яньлин не успел даже опомниться, как его крепко схватил мужчина, выскочивший буквально из ниоткуда. Чан Фэн железной хваткой держал его за запястье. Увидев, что парень не владеет боевыми искусствами и одет как простой слуга, он разжал пальцы, но не отпустил его, начав дежурный допрос:

- Что ты здесь делаешь?

В конце концов, здесь готовилась еда для наследного принца, и кухня была местом крайне важным, где нельзя было проявлять ни малейшей халатности. Все, кто имел доступ к продуктам, были привезены из Восточного дворца, и посторонним приближаться сюда строго запрещалось.

Гу Яньлин мгновенно понял, что перед ним человек с незаурядными навыками: узкие рукава, облегающая одежда – всё в его облике выдавало типичного мастера боевых искусств. Полагая, что это кто-то из ближайшего окружения важной персоны, он притворился испуганным и, заикаясь, произнес:

- Господин, пощадите! – воскликнул он. – Я... я сходил в уборную и заблудился.

Заблудился или пришел намеренно – разве он не мог этого понять?

- Говори правду, – потребовал Чан Фэн.

Руку Гу Яньлина снова сжали. Сила у противника была огромная, и от резкой боли парень скривился, мысленно поставив мужчине первую «галочку», но внешне продолжил придуриваться:

- О чем мне нужно рассказать, господин? – с наивным видом спросил он.

Чан Фэн был командиром стражи Восточного дворца, и защита наследного принца была его прямой и главной обязанностью. Не говоря уже о том, что, несмотря на показный страх, глаза парня бегали из стороны в сторону, выдавая его волнение.

- Ведешь себя подозрительно, – заметил Чан Фэн. – Не хочешь говорить, да?

Гу Яньлин, опасаясь, что тот пустит в ход кулаки, громко закричал:

- Средь бела дня! Где справедливость?! – завопил он. – Неужели вы хотите выбить из меня признание силой? Я ведь и вправду ни в чем не виноват!

Чан Фэн: - ...

Видя, что тот не собирается его отпускать, Гу Яньлин во всю глотку завопил:

- Помогите! Невинного обижают! Кто-то хочет применить самосуд! - кричал он на весь двор.

В этот момент подошел еще один человек, постарше, лет сорока, с абсолютно гладким лицом, без единой волосинки. Он прикрикнул:

- Что за шум? Даже во дворе слышно, - произнес он.

Гу Яньлину показалось, что голос у него какой-то странный, но он не стал долго задумываться. Заметив, что тот вышел из двора важной персоны, он тут же сменил тон:

- Я просто сходил в уборную и заблудился, а этот господин насильно схватил меня за руку и требует признаться в чем-то, о чем я даже не знаю! - пожаловался он.

Ли Юфу был главным евнухом Восточного дворца и постоянно прислуживал наследнику. Он обладал проницательным умом и, взглянув на этого невзрачного на вид парня, заметил, что его глаза светятся хитростью, а язык подвешен очень остро. Сразу было видно - человек себе на уме. Он сказал Чан Фэну:

- Раз ведет себя неподобающе, дай ему немного серебра и выгони из поместья, - распорядился Ли Юфу.

Такие мелочи не стоили того, чтобы беспокоить ими господина и докладывать ему.

Чан Фэн, услышав это, отпустил Гу Яньлина и уже хотел приказать кому-нибудь увести его, но Гу Яньлин не собирался так просто сдаваться. Он прямо на месте рухнул на землю и снова поднял шум:

- Я правда не вел себя неподобающе! Я невиновен! Я не уйду! - закричал он.

- ... Оба были людьми из Восточного дворца и за всю свою жизнь еще не встречали такой бесстыдной, запредельной наглости.

Гу Яньлин с таким трудом пробрался в поместье, и если его сейчас выкинут, все усилия пойдут прахом. Он продолжал вопить, не обращая ни на что внимания:

- Я невиновен! Я не уйду! - надрывался он.

Голос был настолько громким, что это в конце концов потревожило господина в доме. Чан Фэн,

словно цыпленка, легко дотащил Гу Яньлина до наследного принца и просто бросил его на пол. Гу Яньлин не стал вставать, а так и остался сидеть, дерзко подняв глаза на важную персону, которая в этот момент играла в шахматы. Тот не удостоил его даже мимолетным взглядом, не стал ничего спрашивать, лишь сидел с безупречно прямой осанкой, удерживая черную фигуру своими длинными изящными пальцами. Одетый в парчовую домашнюю одежду, он излучал невыразимое, природное благородство.

Три дня! Наконец-то он его увидел!

Гу Яньлин был несказанно взволнован. Он во все глаза уставился на важную персону. Слишком молод... такой молодой, а чин выше, чем у того продажного чиновника. А эта благородная аура – явно не простой человек. Он еще больше уверился в том, что тот приехал из столицы и занимает очень высокое положение.

Взгляд Гу Яньлина был слишком бесцеремонным. Сяо Синхань медленно опустил черную фигуру на доску и, прикрыв веки, посмотрел на Гу Яньлина.

Чан Фэн поспешно склонился с докладом:

- Господин, этот слуга только что вел себя подозрительно, слоняясь возле задней кухни...

Услышав, что его снова называли «подозрительным», Гу Яньлин мысленно поставил Чан Фэну еще одну «галочку» и перебил его:

- Я правда невиновен! Поместье такое огромное, я ходил в уборную и заблудился, я уже много раз это объяснял! – воскликнул он.

- Я ничего не крал, ни на кого не нападаю, просто заблудился, а меня хотят выгнать! – продолжал он. – Какая уважаемая семья после этого захочет меня нанять? Моя репутация будет погублена! Господин, вы должны восстановить справедливость! Я скорее умру, чем позволю себя так выгнать!

Чан Фэн впервые видел, чтобы кто-то осмелился так скандалить перед наследным принцем. Хотя незнание не освобождает от ответственности, он по доброте душевной решил предупредить:

- Нельзя вести себя столь дерзко перед господином, – тихо сказал он.

Гу Яньлин тоже почувствовал, что, хотя важная персона молчит, аура у него внушительная и подавляющая. Он благоразумно замолчал и, невольно встретившись взглядом с глубокими, непроницаемыми глазами Сяо Синханя, быстро опустил голову. Он подумал, что этот человек не из легких, и еще неизвестно, хороший ли он чиновник. А вдруг они начнут покрывать друг друга? Это было бы совсем плохо.

Все же стоило проявлять крайнюю осторожность.

Ли Юфу не мог понять, что на уме у господина. Такие пустяки не должны были его волновать, но раз принц молчит, он не смел подавать голос. Даже прослужив рядом с ним много лет, он порой не мог угадать его истинные мысли.

Из-за того, что Сяо Синхань хранил молчание, в комнате воцарилась тяжелая тишина.

Гу Яньлин не выдержал. Его с самого детства баловали, и он привык ничего не бояться, поэтому набрался смелости и сказал:

- Господин, я всегда вел себя честно, нельзя же так просто обвинять меня в том, чего я не делал, - произнес он. - Вы должны заступиться за меня.

У Чан Фэна от этих слов дернулось веко.

Сяо Синхань наконец заговорил. Голос его был низким, а тон - предельно равнодушным:

- И чего ты хочешь? - спросил он.

В глубине души Гу Яньлин хотел хорошенько отлупить этого громилу, который таскал его за руку, а потом не кормить его несколько дней, но вслух ответил:

- Все зависит от решения господина! - воскликнул он.

Сяо Синхань поднялся, его черные полы халата слегка колыхнулись, когда он прошел мимо Гу Яньлина.

И что, он просто ушел?!

Гу Яньлин вскочил с пола и посмотрел на Чан Фэна:

- Что это значит? - спросил он.

Чан Фэн, пораженный подобной фамильярностью, на мгновение лишился дара речи. Не понимая истинных намерений господина, он в замешательстве перевел взгляд на Ли Юфу.

- Ладно, господин дал понять, что покидать поместье тебе не обязательно, - бросил Ли Юфу и стремительно зашагал вслед за принцем.

Гу Яньлин буквально просиял. Глядя вслед уходящей важной персоне, он принялся вволю льстить:

- Господин - истинный образец справедливости! Он сразу понял, что я абсолютно невиновен!

Чан Фэн, услышав этот приторный тон, лишь молча закатил глаза. Однако, раз господин не выразил возражений, он не стал спорить:

- Пошли. Ты ведь заблудился? Я провожу тебя.

Гу Яньлин всегда обладал редким талантом пользоваться любым удобным моментом. Раз уж ему удалось пробраться во внутренний двор, уходить совсем не хотелось. Он пододвинулся к Чан Фэну и слегка толкнул его локтем:

- Ты обвинил меня абсолютно без разбора, у меня до сих пор рука ноет. Не хочешь как-нибудь загладить свою вину?

Чан Фэн инстинктивно отступил на шаг, увеличивая дистанцию между ними:

- Я просто выполнял свои прямые обязанности.

Гу Яньлин, впрочем, не унимался:

- Выполнял обязанности, это понятно, но я ведь человек беззащитный, а ты - настоящий мастер боевых искусств! Ты мне чуть все кости не раздавил!

Чан Фэн прекрасно знал меру в своей силе и ничего не сломал. Слушая, как парень всё больше и больше преувеличивает, он решил не продолжать этот бессмысленный спор и, достав из кошелька мелкую серебряную монету, протянул её ему.

Гу Яньлин без малейшего стеснения принял серебро, мысленно расценив это как справедливую плату за лечение, и снова ткнул мужчину локтем.

Чан Фэн окончательно утратил остатки терпения:

- ...Что-то еще?

Гу Яньлин вытянул шею, заглядывая в ту сторону, куда ушел господин:

- А кто здесь, помимо господина, главный?

Чан Фэн настороженно посмотрел на него, прищурившись:

- Зачем тебе это знать?

Гу Яньлин с крайне важным видом ответил:

- Господин только что восстановил справедливость, и я всем сердцем хочу отплатить ему добром. Я желаю остаться здесь и прислуживать ему...

Не успел он закончить свою тираду, как Чан Фэн бесцеремонно схватил его за шиворот. Гу Яньлин, не желая быть просто выброшенным за ворота, начал отчаянно дрыгать ногами в воздухе:

- Отпусти! Я и сам дойду!

Чан Фэн, видя полное отсутствие всякого воспитания у парня, холодно отрезал:

- Господин любит тишину, так что не смей шуметь.

Гу Яньлин понял, что этот здоровяк, несмотря на внешнюю суровость, не питает к нему настоящего зла, и понизил голос, пытаясь наладить дружеские отношения:

- Эй, мы ведь с тобой теперь почти не разлей вода. Как тебя зовут, брат?

Чан Фэн был командиром стражи Восточного дворца и никогда не водил знакомств и не брался с кем попало. Однако, наблюдая за тем, как Гу Яньлин изо всех сил пытается завязать дружбу, он заметил одну странность: если не смотреть на его невзрачное лицо, голос у парня был необычайно звонким и приятным, что абсолютно не вязалось с его общей внешностью.

Глаза у него были большие, живые и смысленные, и его непрекращающаяся болтовня почему-то совсем не раздражала.

- Чан Фэн, - ответил он и с легким недоумением добавил: - Почему ты такой болтливый?

Гу Яньлин всегда был таким жизнерадостным:

- Брат Чан Фэн, значит, мы теперь братья! В будущем обязательно приглядывай за своим младшим братом.

Чан Фэн: - ...

Гу Яньлин наконец-то встал на ноги, но всё равно не спешил уходить:

- Кажется, дождь собирается.

Погода действительно начала стремительно портиться, и небо затянули тяжелые свинцовые тучи.

Гу Яньлин, если не считать его общей худобы, был смуглым, почти как сам Чан Фэн, который годами тренировался под палящим солнцем, так что парень не выглядел изнеженным. Чан Фэн не придавал этому значения и бросил:

- Иди уже, не растаешь.

Гу Яньлин искренне ненавидел дождливые дни:

- А куда ушел господин?

Чан Фэн в ответ лишь угрожающе поднял руку, и Гу Яньлин поспешно отпрянул:

- Иду, иду! Уже ухожу!

Опасаясь, что этот сорванец снова что-нибудь выкинет, Чан Фэн решил лично проводить его до выхода.

По дороге Гу Яньлин попытался выведать:

- Судя по акценту, наш господин не из Янчжоу, верно?

Чан Фэн холодно ответил:

- Не суй нос не в своё дело.

Гу Яньлин как ни в чем не бывало продолжил рассыпаться в похвалах:

- Я просто заметил, что господин обладает необычайным достоинством, да и лицом вышел на редкость красив. А уж брат Чан Фэн так искусен в боевых искусствах и отважен, что сразу видно - вы не из наших краев.

Чан Фэн: - ...

Гу Яньлин ловко сменил тему:

- Брат Чан Фэн, ты ведь уже совсем не мальчик. Скажи, ты женат?

Чан Фэн хмыкнул:

- Зачем ты об этом спрашиваешь? Решил стать свахой?

Гу Яньлин с вздохом ответил:

- Раз уж брат Чан Фэн не женат, значит, и я пока не обзавелся женой. Да и где мне вообще найти девушку, которая была бы достойна такого человека, как ты?

Чан Фэн не успел даже ответить, как парень тут же переключился на другое:

- А много ли платят за службу у господина?

- ...

Чан Фэн, слушая эту бесконечную болтовню, наконец-то всё понял: парень просто хочет прислуживать в покоях господина, чтобы заработать побольше денег и накопить на будущую жену.

- Ты ведь еще совсем юн, куда ты так спешишь? - спросил он.

Гу Яньлин, которому на самом деле недавно исполнилось девятнадцать, без малейшего зазрения совести соврал:

- Мне уже двадцать три! Как тут можно не спешить?

Чан Фэн, не ожидавший, что этот сорванец всего на год моложе него самого, искренне изумился:

- На вид тебе не больше шестнадцати-семнадцати лет.

Гу Яньлин, мгновенно уловив намек на свой рост, обиженно надулся. В детстве он был болезненным ребенком и пил огромное количество лекарств, поэтому не вырос таким высоким и статным.

- Что ты в этом понимаешь! Это всё потому, что в детстве моя семья была очень бедной, и я часто недоедал, вот и не вырос как следует.

Чан Фэн, который в столь молодом возрасте уже стал командиром стражи Восточного дворца, разумеется, происходил не из простой семьи. Услышав это, он немного смягчился:

- В поместье голодать ты точно не будешь. Но о службе в покоях господина забудь. Занимайся своим делом, а жену еще успеешь найти.

Гу Яньлин просто пропустил его слова мимо ушей и снова с любопытством спросил:

- А наш господин женат?

Чан Фэн снова отрезал:

- ...Не суй нос не в своё дело.

Однако Гу Яньлина больше всего интересовало совсем другое:

- Брат Чан Фэн, а почему у нашего господина в покоях нет ни одной служанки?

Он только что украдкой осмотрелся по сторонам - вокруг были одни мужчины.

В Восточном дворце наследного принца также обслуживали исключительно евнухи, и Чан Фэн давно к этому привык. Но принцу уже исполнилось двадцать два года, а у него не было не то что наследной принцессы - даже простой наложницы. Император и императрица почему-то совсем не беспокоились об этом и не спешили выбирать ему жену.

Со временем в столице поползли едкие слухи о том, что принц якобы «немощен».

Разумеется, такие дерзкие сплетни лучше было даже не слушать, а уж тем более - распространять.

Чан Фэн просто промолчал, не желая поддерживать эту тему.

Гу Яньлин решил, что Чан Фэн определенно что-то скрывает, и, немного поразмыслив, внезапно «прозрел»: раз в покоях нет ни одной служанки, значит, господин определенно любит мужчин!

<http://bllate.org/book/17939/1720365>